БАШКИРСКАЯ РУСАЛКА.

Въ горной области Урала живетъ полукочевой народъ. Онъ просилъ у Царя Іоанна Грознаго защиты и подданства: съ востока Сибирскіе Князья, и съ юга Монгольскія и Татарскія орды утомили зажиточныхъ скотоводцевъ непрестанными набѣгами. На сѣверъ однакоже и на сѣверо–востокъ сами они дѣлали набѣги и уводили себѣ оттуда, отъ племенъ Чудскихъ, женъ. Откуда народъ этотъ взялся — не извѣстно; вѣра его нынѣ мусульманская; языкъ нарѣчія Турецкаго или Татарскаго; произношеніе болѣе гортанное, Монгольское; лица, у мущинъ, что–то среднее между лицемъ Казанскаго Татарина и Заяицкаго Кайсака; у женщинъ, между лицемъ Кайсачки и Самоѣдки; словомъ, здѣсь, кажется, видна смѣсь племенъ: Татарскаго, Монгольскаго и Чудскаго. Народъ этотъ называетъ самъ себя: Башкуртъ; ученые наши тѣшились надъ этимъ словомъ, ломали и переводили

его всячески: главный волкъ или воръ (*), главный пчеловодъ, отдѣльное племя или владѣніе, и прочее. Сами Башкиры говорятъ, что они происходятъ отъ Ногаевъ или Ногайцевъ, отдалившись отъ нихъ по усобицамъ; иные помнятъ, по преданію, какое–то родство съ Бурятами; въ сказкахъ и пѣсняхъ ихъ поминается родоначальникомъ дивный Чингисъ–Ханъ, коего предокъ рожденъ дѣвственницею отъ наитія солнечнаго луча, а самъ онъ, Чингисъ, вдовою Алангу, которую также посѣтилъ лучъ солнца, и возвратился отъ нея сѣрымъ волкомъ съ конскою гривою. Народъ Башкуртъ раздѣлился, съ незапамятныхъ временъ, на племена, или, какъ ихъ называютъ у насъ, на волости; у каждой волости свой Уранъ, откликъ; своя

(*) Люблю я этихъ переводчиковъ, которые все знаютъ и все толкуютъ. На здѣшнемъ нарѣчіи курдъ или куртъ никогда не означало вора. Тутъ нельзя не вспомнить длиннаго разсужденія, въ которомъ одинъ ученый нашъ старался доказать, что Аралъ никакъ не можетъ означать островитаго мѣря или мѣря льстрова, потому, что островъ по Турецки Ада, а не Аралъ. Очень похвально знать по Турецки, но непохвально спорить положительно, опровергать и даже переиначивать то, что написали другіе, если не знаешь вовсе того языка или нарѣчія, къ коему спорное слово относится. Кайсаки, Хивинцы и Туркмены вовсе не знаютъ слова Ада, въ значеніи острова; собственно островъ у нихъ утрайуа; берегъ, материкъ, суша, островъ, словомъ земля, въ противуположность воды, дѣйствительно называется Аралъ. По этому Аралъ–Дынгизы, или Аралъ–Дингизъ, скорѣе можетъ значить островное, береговое море, чѣмъ *междорѣчье,* какъ утверждаетъ строгій нашъ законникъ; тѣмъ болѣе, что послѣднее толкованіе, по–свойству не Турецкаго, а здѣшняго, Татарскаго языка, нельзя допустить вовсе.

тамга, рукоприкладный знакъ; свое дерево и своя птица, розданныя, какъ вѣритъ народъ, самимъ Чингисъ–Ханомъ. Ученые бытописатели наши ищутъ въ Башкирахъ предковъ Маджаръ, нынѣшнихъ Венгровъ; теперь же народъ Башкуртъ, составляя обще съ Мещеряками казачье войско болѣе чѣмъ въ 200,000 человѣкъ, разселился отъ Уральскаго хребта до Яика, большаго Ика, Бѣлой и Касны; мѣстами еще кочуетъ лѣтомъ, и живетъ однимъ скотоводствомъ, промышляетъ и звѣриною ловлею, пьетъ кумысъ и ѣстъ крутъ; мѣстами, поселился уже оседлыми деревнями, разводитъ пчелъ, стѣетъ хлѣбъ, и одеждою и обычаями своими все болѣе и болѣе сливается съ сосѣдними Татарами.

Но у кочевыхъ Башкировъ осталось еще много своихъ повѣрій и преданій: злой духъ Дью–Пари (дивъ и пери), принимающій образъ человѣка, кошки, собаки, и особенно барса и тигра; иногда у него грива бываетъ золотая; знаменитѣйшіе батыри Башкирскіе прославились битвами съ этимъ чудовищемъ, которое, нападая и защищаясь, и особенно похищая дѣвокъ,

перекидывается и принимаетъ разные образы; если же Дью–Пари является въ образѣ человѣка, батыря, то можетъ быть раненъ, какъ Ахиллъ, только въ пятку. Лѣса, дебри, гьры, вьды и пещеры населены лѣшими, водяными, русалками, извѣстными вообще подъ именемъ Джинъ, духъ: каждою горою, каждымъ озеромъ обладаетъ такой Джинъ, добрый или злой, но все это разсказываетъ вамъ Башкиръ стихами, или напѣваетъ вторя чибызгѣ, кураю, въ прошломъ времени; нынѣ безплотныхъ жильцовъ и жилицъ этихъ осталось не много; златой вѣкъ, какъ всюду, такъ и здѣсь, ушелъ, промчался, — остались однѣ воспоминанія!

Одна изъ знаменитѣйшихъ пещеръ въ Башкиріи, это Бѣльская, или Шуллюганъ–таши. Ее смотрѣли и описывали Рычковъ и Лепехинъ. Она лежитъ на правомъ берегу Акъ–Идыля, рѣки Бѣлой, въ 12–15 верстахъ отъ Вознесенскаго (Г. Бекетова) завода, на бывшей Ногайской дорогѣ, въ землѣ Бурзянской волости. Но Рычковъ безъ сомнѣнія очень ошибался, когда полагалъ, что вертепъ этотъ дѣло

рукъ человѣческихъ. Гора возвышается саженей на 80; пещера идетъ снизу вверхъ, длиною саженей въ полтораста или болѣе, ибо вся еще не изслѣдована, и состоитъ изъ множества отдѣльныхъ, большихъ и малыхъ пещеръ, связанныхъ переходами, оконцами и трещинами. Подземныя палаты эти шириною отъ двухъ, трехъ и до 12–ти, вышиною, мѣстами, также до 12–ти саженъ, между тѣмъ какъ тутъ и тамъ надо пробираться ползкомъ. Известковые капельники образуютъ на полу и на сводахъ дивныя ваянія, подающія Башкирамъ поводъ къ новымъ баснямъ. Тутъ есть ключи, озера, пропасти, подземныя гльры, огромные самородные своды, ступенчатыя лѣстницы — погребальный одръ изъ капельника и вокругъ шесть огромныхъ шандаловъ со свѣчми, изъ той же известковой накипи; въ стѣнахъ и сводахъ есть отверстія, ведущія въ верхніе и боковые ярусы пещеры. Въ подземельѣ этомъ обитало когда–то особое племя людей, о которомъ расказываютъ много дивнаго. Тамъ же не рѣдко укрывались разные Джины, Дивы и Дью–Пари. Во

вримя смутъ и возмущенія, Башкиры спасались въ подземелье этомъ съ семействами, скотомъ и имуществомъ. Старики разсказываютъ о каменной, здѣсь находящейся собакѣ: это Дивъ, окаменѣвшій въ принятомъ имъ образѣ. Замѣчательно, что каменная собака эта боится плети, что дождевые облака ей подвластны, и собака не можетъ снести ста ударовъ плетью; она издаетъ глухой вой, и обильный дождь окропляетъ окрестность.

Верстахъ въ трехъ отъ пещеры, есть небольшое озеро Ялки–кичканъ, конской выходъ или выгонъ. Озеро это прибываетъ и убываетъ непостоянно; оно было встарину жильемъ и царствомъ могучаго падишаха водяныхъ; онъ–то наградилъ смѣлаго Кунгрбая, Башкира Бурзенской или Усергенской волости, косякомъ лошадей, выплывшихъ изъ этого озера, вслѣдъ за безстрашнымъ наѣздникомъ, пустившимся вплавь на знаменитомъ жеребцѣ своемъ, черезъ неприступную для другихъ пучину. Верстахъ въ десяти ниже, найдете озерцо чистѣйшей воды, изъ коего вытекаетъ рѣчка Шуллюганъ и впадаетъ въ Бѣлую. Въ

этой рѣчкѣ найденъ хомутъ съ лошади, украденной и утопленной преслѣдуемымъ воромъ въ нагорномъ озерѣ; стало быть, говорятъ Башкиры, озира эти сообщаются подъ землею.

Есть или была еще въ другомъ мѣстѣ въ Башкиріи пещера, или лучше сказать провалъ, котловина, изъ которой, когда–то, вода подымалась по временамъ чернымъ смерчемъ; это было каждый разъ предзнаменованіемъ общаго бѣдствія: вода вскорѣ упадала опять въ уровень съ землею; смѣлые ловцы, пускаясь сюда за медвѣдями, погружали въ пучину высочайшія сосны и не доставали дна; наконецъ вода исчезала, ямина просыхала и о полуночи выбѣгала изъ нея чернобурая лиса; этотъ звѣрь или диво приносилъ съ собою бѣду, бичь небесный, гибель, и разносилъ ее по землѣ: моръ, голодъ, палы, пожары, засуха, войны и усобицы — все это выносила съ собою чернобурая зловѣщая лиса. Смѣлый звѣроловъ подстерегъ ее у самаго выхода и пустилъ въ нее въ одинъ мигъ, разобравъ ихъ по пальцамъ и въ зубы, двѣнадцать стрѣлъ; за каждою

стрелою оборотень перекидывался то собакой, то кошкой, то выдрой, то розсамахой, и наконецъ барсомъ и юлбарсомъ, то есть лютымъ, полосатымъ тигромъ; батырь наступалъ все смѣлѣе да смѣлѣе, поражалъ его стрѣлами разъ въ разъ, и наконецъ, заставивъ отчаяннаго Дью–пари принять послѣднiй, человѣческiй образъ, въ латахъ, шишакѣ, съ огромнымъ обоюду–острымъ мечемъ, поразилъ врага своего въ лѣвую пяту, и спалилъ трупъ, отъ котораго пошелъ смрадъ и паръ коромысломъ, въ жерло бездонной котловины. Съ тѣхъ поръ въ Башкирiи нѣтъ и мятежей.

Пещера Муйнакъ–ташъ, также на Бѣлой, не менѣе знаменита. Въ ней есть огромныя палаты до 20 саж. вышины и до 60 саж. длины. Въ пещерѣ Тирмена–шау слышенъ вѣчный подземный гулъ, какъ отъ низвергающагося водопада: это жилище Дью–Парiевъ, которые день и ночь дуютъ огромными мѣхами и куютъ стопудовыми молотами. Въ подошву Змѣиной горы, Зилянъ–тау, ввергается, протекши не болѣе полуверсты, подземельная рѣчка и

пропадаетъ: она, съ незапамятныхъ временъ, пошла къ шайтану въ кабалу, жернова ворочать.

На рѣчкѣ Шашнякъ есть скала Тауча; въ отвѣсѣ скалы этой есть небольшое отверстіе, но никто не знаетъ куда оно ведетъ; края его обтерты, будто какой нибудь жилецъ ходитъ туда и оттуда; по ночамъ не рѣдко виднѣется огонекъ, и Башкиры разсказываютъ между прочимъ, что два духа вылетѣли однажды изъ пещеры этой, ухватили Башкира съ сѣнокосу подъ руки, понесли его по воздуху, и хотѣли втащить въ узкое отверстіе; но тотъ былъ широкъ въ плечахъ, да притомъ сталъ читать молитву изъ корана; явился изнутри пещеры третій духъ и сказалъ товарищамъ своимъ: бросьте его; начто вы съ поганымъ связались — и Башкиръ полетѣлъ на дно пропасти, въ рѣчку Шашнякъ, выплылъ на берегъ, и отдохнувши разсказалъ со страхомъ о приключеніи своемъ.

Не совсѣмъ мало и теперь еще въ Башкиріи древняго оружія, особенно кольчугъ, панцырей и шлемовъ. Они зашли

сюда въ незапамятныя времена, изъ средней Азіи. Кольчугу Башкиры охотно надѣваютъ на алый, суконный чапанъ, подпоясываютъ ремнемъ, на которомъ виситъ лукъ въ кожаномъ, раскрашенномъ на лучникѣ, и такой же колчанъ со стрѣлами, и украшаютъ шлемъ свой перышками, или надѣваютъ широкую, развалистую Бурзенскую шапку, съ алымъ вирхомъ и широкими, приподнятыми полями изъ пушистой лисы — такой воинъ, на бѣлой, плотной, малорослой лошади своей, олицетворяетъ передъ вами Средніе вѣка.

Нынѣшнія Башкирскія пѣсни состоятъ изъ отрывистыхъ четырестишій, въ которыхъ обыкновенно два первые стиха заключаютъ въ себѣ картину, басню, притчу, а два послѣдніе примѣненіе, сравненіе съ сущностію. Но есть нѣсколько старинныхъ, батырскихъ пѣсенъ, есть и сказки, преданія, которыя такъ между собою перемѣшаны, что дѣеписаніе и баснословіе смотаны всегда на одинъ общій клубокъ. Напѣвы тоскливы, унылы, протяжны и дики, но пріятны и пѣвучи.

Курай или чибызга, дудка или сопѣлка, издающія пріятные сурдинные звуки, держится строго, нота въ ноту, гѣлоса пѣсельника; вторы у нихъ нѣтъ вовсе, голоса довольно чисты и звучны, но тонки или высоки и очень не обширны. Если же пѣсенникъ умолкаетъ, то къ чибызгамъ пристаютъ не рѣдко пѣвчіе особаго роду: они поютъ, какъ говорится здѣсь, горломъ. Это въ самомъ дѣлѣ, вещь замѣчательна; набирая въ лёгкія какъ можно болѣе воздуха, пѣвчій этотъ гонитъ усильно, не переводя духу, воздухъ сквозь дыхательное горло и скважину или горловинку, и вы слышите чистый, ясный, звонкій свистъ, съ трелями и перекатами, какъ отъ стекляннаго колокольчика, только гораздо протяжнѣе. Это не иное что, какъ свистъ дыхательнымъ горломъ — явленіе физіологическое, замѣчательное тѣмъ болѣе, что грудной голосъ вторитъ этому свисту въ тоже время глухимъ, но довольно внятнымъ, однообразнымъ басомъ. Сильная натуга видна въ это время на лицѣ пѣсенника: оно вздувается, краснѣетъ, глаза наливаются кровью.

Башкиръ на себя работаетъ не охотно, только по нуждѣ; его дѣло разъѣзжать съ нагайкой и Сибирской винтовкой по горамъ, сунувъ за щеку, вмѣсто жвачки, кусочекъ рубленаго свинцу, изъ котораго зубами округляетъ запасную пульку; его дѣло пить кумызъ, ѣсть вкусную и жирную кобылятину или баранину, любуясь табункомъ лошадокъ своихъ; валяться, отдыхать, пѣть вполголоса пѣсеньку или слушать вечеркомъ, при огнѣ, чибызгу или разскащика, вспоминая прошлое, батырское время, былое и небывалое. Южные Башкиры воинственны, и ждутъ, какъ вьронъ крови, вызова охотниковъ для поиска въ степь, на заклятыхъ враговъ ихъ, на кайсаковъ; сѣверные, частію уже перемѣшанные съ Мещеряками, къ оружію не привычны.

Сядемъ и мы на широкую кошму, около пылающей, огромной сосны, стонавшей столько разъ отъ бурнаго порыва вѣтровъ и отстонавшей нынѣ въ послѣдній подъ ударами небольшой Башкирской сѣкиры — закройте передъ собою рукою яркое поломя и глядите на бездну искръ, которыя

змѣйками взмываютъ скорѣе самой мысли, рѣютъ по синему мраку туда и сюда — и гаснутъ; вѣтеръ уноситъ пепелъ ихъ; развѣваетъ дымъ — и вѣковая сосна въ глазахъ вашихъ отжила, нетлѣла, обратилась въ прахъ — и уже не существуетъ! И Зая–Тулякъ былъ, и онъ разрушенъ стихіями, и нѣтъ уже слѣда плоти его и самаго праха; осталось одно только славное имя его, да память по немъ въ сказкахъ.

Въ 12мъ Башкирскомъ Кантонѣ есть мѣсто въ 1800 квадратныхъ верстъ, гдѣ нѣтъ одного Русскаго, ни Татарина, ни Мещеряка, ни Чувашина, ни Мордвина, ни Вотяка, ни Тептяря, ни Черемисина, нѣтъ вовсе этихъ такъ называемыхъ припущенниковъ и переселенцевъ, которые, обще съ нашими заводчиками, переполосовали и испятнали ужи почти всю Башкирь, тягаются лѣтъ по тридцати и болѣе съ родовыми жителями, владѣющими землями на вотчинномъ правѣ, и частію уже оттягали сотни тысячь десятинъ,

богатѣйшихъ въ мірѣ земелъ, расквитавшись съ вотчинниками, Башкирами, или десятилѣтнею давностію владѣнія, или, полюбовною сдѣлкою, тремя головами сахару, фунтомъ чаю и словеснымъ обѣщаніемъ, не пропускать никого болѣе на ихъ зимли. Земля эта, о которой я говорю, лежитъ въ Белебейскомъ уѣздѣ и принадлежитъ четыремъ родамъ или волостямъ, извѣстнымъ подъ общимъ названіемъ Демскихъ Башкиръ, по рѣкѣ Демѣ, или, вѣрнѣе Димѣ. Здѣсь есть степи, луга, рѣчки, озера, гльры и лѣса. Демскіе Башкиры еще кочуютъ и даже держатъ верблюдовъ; старина ими не совсѣмъ еще забыта.

Тутъ–то, не подалеку заводовъ — Усень–Ивановскаго, въ 30 отъ него верстахъ, и бывшаго Курганскаго — гдѣ остались нынѣ только три избушки — на Сыртѣ (*), раздѣляющемъ долины Димы и большаго Ика, лежитъ озеро Ачулы, или какъ Башкиры, не выговаривающіе букву ч, его называютъ: Ассулы. Сѣверные берега его возвышаются исподволь довольно

(*) Сыртъ — раздѣленіе водъ, возвышенность, раздѣляющая притоки двухъ рѣчекъ.

ровною степью; у восточной ихъ оконечности выступаетъ мысъ малый Нра; западные берега состоятъ изъ возвышающихся постепенно, къ вершинамъ рѣчки Чермасана, горъ; они кажутъ вамъ, съ лъзера, хорошій видъ: они идутъ, постепенно возвышаясь, уступами; сѣверная ихъ половина, прилегающая къ степи, гола; южная образуетъ одеждою своею переходъ къ сосѣднему Усенскому лѣсу. Здѣсь видите вы, начиная отъ сѣвера, гльры: Бурлы–тау, Бика–тюбе, Караулъ–тау, Кучляръ–кую, Келимъ–бетъ, Угузъ–кулъ, Тиренъ–кулъ, Ташъ–бурунъ и Карагачъ. Сѣверныя горы, прилегающія къ степи, круты, поросли однимъ ковылемъ и выказываютъ расчесанныя буйнымъ вѣтромъ, округлыя къ озеру и нагія вершины свои, словно сѣдыя, полуплѣшивыя головы отжившихъ стариковъ; Бурлы–тау упирается въ озеро красною, глинистою пятою своею, мысомъ Зуръ–нра, большой Нра; Тиренъ–кулъ спускается волнистыми уступами, которые, близъ озера, называются Искизъ–ма; наконецъ Карагачъ, у котораго за плечами

огромный Усень–Ивановскій лѣсъ, раскинулъ передъ озеромъ Ачулы волнистую уступистую грудь свою, и вынесъ еще на себѣ, по окраинѣ каждаго уступа, лѣсистую опушку. Карагачъ, на сѣверо–западъ, подаетъ руку Угузъ–кулу, и у нихъ изъ–подъ мышекъ вытекаетъ рѣчка Курьятмасъ. Съ хребта Карагача видны лѣсистые Чармесанскія горы, на юго–западъ. На югъ и на востокъ отъ озера, вы опять видите одну волнистую степь; а въ полуверстѣ отъ озера уступъ или увалъ. Юго–восточный берегъ солонецъ, весною топкій, лѣтомъ сухой. Такимъ образомъ озеро образуетъ продолговатую водную плоскость, длиною въ 7, шириною въ 5 верстъ, съ горбомъ по срединѣ, къ сѣверу, и съ двумя перехватами, отъ мысовъ большаго и малаго Нра. Глубина озера до 10 саженъ на сѣверѣ, не подалеку, аулъ или зимовка Чапай; на югѣ: Барангулъ и Курьятмасъ, а вокругъ кочевки ауловъ: Кидрячъ, Барангулъ и Мекешъ. На юго–западъ, въ березовомъ и липовомъ лѣсу, Усень–Ивановскій заводъ; а на р. Усенѣ есть и

сосновый лѣсъ, единственный во всей окружности. Съ разсвѣтомъ, въ лѣтній день, густые туманы встаютъ съ Ачулы–куля, съ лъзера, и тянутся столбомъ, перегнувшись коромысломъ къ Усень–Ивановскому лѣсу, и лѣсъ походитъ издали на огромное дымовье, изъ котораго синій дымъ тянется, переваливаясь и постепенно разстилаясь, къ далекому озеру; около полудни Усенскій лѣсъ убрался и управился съ прическою своею, одѣлся облаками или тучами, но незваный гость и закоснѣлый врагъ всякой прически, горный вѣтръ, растрепалъ уже снова буйную голову Усеня, разогналъ волны кудрей ея во всѣ четыре стороны, и тучки быстро несутся по вѣтру, чтобы къ ночи снова пасть туманомъ на дремлющее озеро.

Но глубина и берега лъзера Ассулы непостоянны не потому, чтобы вешніе притоки его измѣняли, не потому, чтобы лѣтніе жары его сушили, и не потому, чтобы наносные пески, которыхъ здѣсь нѣтъ, его засыпали — а просто, потому, что въ озерѣ этомъ жила когда–то прихотливая Ундина, баловливая русалочка, которая

хозяйничала здѣсь по произволу, а теперь живетъ еще, вѣчною жизнію; отецъ ея, падишахъ духовъ водяныхъ и подводныхъ. Онъ добръ, но угрюмъ и суровъ: онъ не играетъ и не шалитъ, но онъ, негодуя на злыя дѣла и помышленія людскія и предвидя въ прозрачномъ царствѣ своемъ всякую бѣду, какъ слѣдствіе дѣлъ и замысловъ нашихъ, вздымаетъ подвластную ему стихію, разливаетъ ее черезъ край и грозитъ затопить окрестности; потомъ онъ стихаетъ, щадитъ неразумныхъ, озеро вступаетъ въ лоно свое и стоитъ спокойно въ берегахъ, доколѣ новое событіе не встревожитъ падишаха; и старикъ снова въ негодованіи своемъ потряхаетъ косматою головою.

Озеро Ассули или Ачулы, въ переводѣ открытое, бездонное, или можетъ быть вѣрнѣе, сердитое, въ самомъ дѣлѣ разливается и упадаетъ, прибываетъ и убываетъ, непостоянно, неравновременно, безъ всякихъ видимыхъ причинъ. Башкиры увѣрены, что первое дѣлается только передъ какою нибудь бѣдою. Они сосчитаютъ вамъ по пальцамъ, не только

событія отъ 1772 года по 1830 годъ, отъ Емельки Пугачева и до мятежа въ Польшѣ, не забывъ ни одной войны нашей, ни одного мѣстнаго или общаго для Имперіи бѣдствія, но прихватятъ ину пору такой старины, что послѣ, того событія или времени во всѣхъ уѣздныхъ городахъ нашей губерніи разъ по семи уже погорѣли всѣ архивы, и вамъ было бы не гдѣ навести справку ни о событіи, ни о тогдашнемъ состояніи льзера Ачулы, если бы даже исправникъ и доносилъ о послѣднемъ обстоятельствѣ тогда, какъ нынѣ, присовокупляя иногда, что озеро Ачулы–куль вздувается и прибываетъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ и повидимому Божьею волей; ибо при обслѣдованіи дѣла ничего подозрительнаго не оказалось. У восточной оконечности озера тянется оврагъ, въ который заливается вода, когда озеро въ разливѣ.

На сѣверо–западъ отъ Ачулы, верстахъ въ 50 за вершинами рѣчекъ: Чурмасана, Чукады и Нугуша, лежитъ такое же дивное озеро Кандра, Кандра–куль. На югъ отъ него гльры, съ рѣдкимъ лѣсомъ; на западъ обрывы и увалъ Каймой; тутъ же мысъ и

островокъ, на которомъ Башкиры пасутъ лучшихъ коней своихъ, потому, что они здѣсь въ безопасности, даже и безъ пастуха; на сѣверѣ, песчаная кочковатая, поросшая травою покатость и далѣе степной кряжъ, уступъ; тутъ же тянется ровъ или оврагъ, отъ самаго лъзера до лощины рѣки Нугуша — и вода течетъ, во время разлива лъзера, по этому рукаву; на востокъ мочижина, болотце, далѣе холмистый увалъ. На Кандра–кулѣ стоятъ три аула или деревни, всѣ три Кандры; озеро бываетъ покрыто челноками рыболововъ: замѣчательно, что въ Кандра–кулѣ есть сомы, а нѣтъ вовсе карасей, а въ Ачулы, обратно, сомовъ нѣтъ, а карасей много. Отъ Кандра–куля на юго–западъ, саженяхъ во стѣ, въ горахъ, лежитъ озерцо Тюменеки, а изъ него течетъ рѣчка Тимошка и впадаетъ въ Кандра. И Кандра–куль составлястъ еще часть владѣнія дяди Струя и прибываетъ и убываетъ постоянно, одинаково и въ одно время съ Ачулы–кулемъ. Есть преданіе, что въ Кандра–кулѣ потонулъ когда–то конный Башкиръ, разгнѣвавшій чѣмъ–то царя влаги: долго

Башкиръ пропадалъ безъ вѣсти, и наконецъ всплылъ съ лошадью своею, мертвый, въ Ачулы–кулѣ. Умные старики похоронили его въ невѣдомомъ мѣстѣ, чтобы незваные посетители и любители тризны и поминокъ не нарушили покоя, не раздражили царя–нелюдима.

Но надобно, приступая къ дивному разсказу, кончить описанiе мѣстности. Юго–восточный берегъ Ассулы, за грязнымъ солонцемъ, окаймленъ степнымъ уваломъ, за которымъ вытекаетъ рѣчка Ачулы–удрякъ, одна изъ трехъ Удряковъ, составляющихъ главный или большой Удрякъ, впадающiй въ Диму. Южнѣе Ачулы–удряка встрѣчаете еще увалъ или небольшой гребень, за которымъ вытекаетъ рѣчка Тюлякъ, также одинъ изъ притоковъ Димы. По лѣвому берегу Тюляка тянется невысокiй хребетъ, который верстахъ въ десяти обращается въ отдѣльныя волнистыя, довольно высокiя ступени; юго–западный скатъ ихъ идетъ къ Тюляку, сѣверо–восточный образуетъ, обще съ горами: Каме–тау, Шаръ–чагыхъ и Каранъ–башъ, долину, среди которой

возвышается, отдѣльно и одиноко, сахарная голова въ 50 или болѣе саженъ, извѣстная подъ именемъ Балкана. На правомъ берегу Тюляка, у вершинъ его, стоятъ двѣ такія же сахарныя гьловы, но меньшаго размѣра; это Шайтанъ–сары и Санай–сары; здѣсь происходила, когда–то, страшная битва Санай–Батыря съ Шайтанами: Санай–Батырь, преслѣдуемый множествомъ злыхъ духовъ, занялъ для защиты своей вершину одной горы, а Шайтаны, желая сбить его и вогнать въ долину, взобрались на другую. Санай не подался ни шагу: изстрѣлявъ всѣ стрѣлы свои и перебивъ множество Шайтановъ, онъ изломалъ самъ лукъ свой, закололся и легъ на мѣстѣ: и гора эта понынѣ показывается вамъ какъ могила Санай–Батыря.

Между Ачулы–кулемъ и Димою кочевалъ въ древнія времена Ханъ–Самаръ – Ханъ, одинъ изъ сыновей Чингиса. У Самаръ–Хана былъ сынъ Зая–Тулякъ. Юный Князь былъ любимецъ отца и матери своей, прекрасной плѣнницы Русской, которая плакала и тосковала по милой отчизнѣ своей, покуда не излила

тоску и грусть свою въ новое существо и — забылась въ сынѣ. Зая–Туляка берегли и холили, какъ царскаго баловня и любимца; онъ былъ хорошъ какъ солнце, и не было на Димѣ достойной его луны. Завистливые братья Туляка, сыновья другихъ женъ Самаръ–Хана, озлобились, на баловня: чѣмъ онъ лучше насъ, за что его холять, какъ зѣницу лька, не выпускаютъ за порогъ кибитки Ханской, между тѣмъ какъ насъ заставляютъ нести службу и заботиться о суетахъ житейскихъ? развѣ мы не одной съ нимъ крови.

А Зая–Тулякъ думалъ въ это время: за–чѣмъ мнѣ не даютъ воли — хочу воли, свободы, а не плѣну! За чѣмъ братья мои объѣзжаютъ свободно отцовскія земли, изъ края въ край, изъ конца въ конецъ, дерутся съ врагами и приводятъ ясырей, плѣнниковъ и плѣнницъ — а я сижу сложа руки? О если бы мнѣ была воля! я бы себѣ отыскалъ и взялъ и привезъ не такую плѣнницу какъ братья мои: я нашелъ бы дивную красавицу, неслыханную и невиданную.

Самаръ–Ханъ созвалъ приближенныхъ своихъ и велѣлъ имъ готовиться въ отъѣздъ: сыну своему Зая–Туляку сказалъ онъ: пора увидѣть свѣтъ. Пусть онъ увидитъ его въ первый разъ съ веселой, радостной сторонЦ, какъ долженъ видѣть его достойный внукъ Чингиса: забирайте съ собою лучшихъ соколовъ моихъ, ястребовъ, кречетовъ и беркутовъ; бейте утицу перелетную, бейте куртлука, косача тетерева, напускайте беркута на лису и на волка: пусть потѣшается царскій отрокъ — но берегите его, какъ завѣтную душу свою.

Зая–Тулякъ, простившись съ отцомъ и Ханомъ, сѣлъ на лошадь, и пышный поѣздъ тронулся. Вельможи раболѣбствовали юному неопытному царскому сыну, доколѣ еще страшились проницательнаго ока Самаръ–Хана; удалившись же отъ Ханскаго кочевья, нагло смѣялись простотѣ и невѣдѣнію отрока бѣлой кости, и поднесли ему сову, которую поймали въ дуплѣ, вмѣсто отцевскаго кречета. Зая–Тулякъ, невидавши травли соколиной и незнавши ловчихъ птицъ, повѣривъ имъ на–слово, пустилъ птицу свою на первую встрѣчную

вереницу дикихъ гусей, тянувшихся клиномъ: птица взмыла выше гусей перелетныхъ, поджала машистыя плеча, ринулась клубочкомъ въ стаю, стрѣлою ударилась вправо, потомъ влѣво, опять вправо, зубчатымъ молніемъ промелькнула, ныряя каждый разъ сѣрому гусю подъ лѣвое крыло — и семь гусей сряду полетѣли кубаремъ на землю. Стая всполошилась, перемѣшалась въ одинъ клубокъ, поднялась столбомъ, гуси хотѣли забить крыльями дерзкаго непріятеля своего — но ловчая птица Зая–Туляка камешкомъ упала на хозяина своего, и сидѣла уже у него на правой рукѣ. Оказалось, что это была не сова, а дорогой бѣлый кречетъ, и былъ онъ лучше всѣхъ соколовъ царскихъ.

Злобные и завистливые братья Зая Туляка, отпуская придворныхъ отцовскихъ, сказали имъ притчу: тесно тремъ отросткамъ рости на одномъ корнѣ, и мало имъ пищи; если бы подчистить и выкинуть одинъ, который ближе другихъ къ дуплястому дубу, такъ двумъ остальнымъ было бы попривольнѣе; перевели бы они духъ, и распустили бы широкія ветви, подъ

которыми нашли бы со–временемъ тѣнь и нынешніе ихъ покровители. Придворные, да и самъ Кушъ–Беги, первый сокольничій — а Кушъ–Беги, какъ и нынѣ напримѣръ въ Бохарѣ, былъ первый сановникъ государства — придворные промолчали; но когда заѣхали они съ Шахъ–Заде, съ сыномъ Ханскимъ, въ далекую сторону, и когда неудачная насмѣшка надъ Зая–Тулякомъ поставила ихъ самихъ въ дураки, между тѣмъ у Туляка оказался первый по царству кречетъ, который побивалъ разомъ по семи гусей — тогда взяла людей этихъ злость и зависть: они вспомнили слова и обещаніе двухъ Князей, братьевъ Зая–Туляка, и стали совѣтъ совѣтовать, какъ извести повереннаго имъ наслѣдника.

Зая–Тулякъ вышелъ въ свѣтлую, лунную ночь изъ парчеваго шатра своего, сѣлъ на земь и любовался Божьимъ міромъ, между тѣмъ какъ юлдаши его, спутники, думали что онъ давно спитъ; онъ услышалъ нечестивый совѣтъ вельможъ, и рѣшился бѣжать, подкравшись потихоньку къ оседланному коню своему, снялъ онъ съ него треногу, потрепалъ его, сѣлъ и

поскакалъ. Но въ станѣ сдѣлалась тревога, закричали: Атланъ! на конь! погнались за Княземъ, и стали его настигать.

Подъ нимъ была лошадь породы Туль–Фаръ; она сказала хозяину своему: ударь меня нагайкою трижды, и я тебя вынесу. Онъ ударилъ жеребца своего, и этотъ въ три скачки принесъ его на гору Карагачъ, къ озеру Ачулы. Погоня потеряла Зая–Туляка, и онъ спокойно легъ отдыхать, пустивъ Туль–Фара своего на траву. Конь его проскакалъ по степи въ такихъ широкихъ скачкахъ, что пустившіеся за Тулякомъ не могли выслѣдить его по измятой копытами травѣ: слѣды были затеряны.

Раскинувшись на одномъ изъ уступовъ Карагача, на которомъ, какъ показываетъ и самое названіе, въ тѣ поры росъ лиственичный лѣсъ, Зая–Тулякъ закрылъ очи, сталъ думать о томъ, куда ему теперь дѣваться, какъ вдругъ услышалъ онъ на берегу лзера плескъ. Зая–Тулякъ сталъ присматриваться, легонько подходить, и его тянуло все ближе и ближе къ озеру. Онъ увидѣлъ, чего никогда еще не видалъ: заря

занималась, востокъ алѣлъ, утренніе туманы развивались на поверхности Ачулы–куля — и среди тумановъ этихъ, какъ опутанная полупрозрачными тканями плескалась дева водъ, статная, гибкая, красоты неимовѣрной, во всей прелести девственной полноты и миловидности. Она, не примѣчая Зая–Туляка, вышла на берегъ, села, и стала расчесывать золотымъ гребнемъ черную косу свою, длиною въ сорокъ маховыхъ саженъ. Зая–Тулякъ не смелъ дохнуть; наконецъ, когда она закинула косу свою назадъ, во всю длину, онъ кинулся со всѣхъ ногъ; русалка прянула, какъ пухъ отъ вѣтра, на зыбкую влагу — но Зая–Тулякъ держалъ уже въ рукахъ своихъ шелковую косу, и не выпускалъ дорогую свою плѣнницу. Русалка, скрестивъ руки на груди, оборотила къ нему умоляющіе взоры — но они измѣнили девственной жилицѣ подводныхъ чертоговъ: Зая–Тулякъ впился жаднымъ окомъ въ полуобращенное личико, и держался за шелковую косу русалки, какъ юная, угасающая жизнь хватается за преждевременно отлетающую

душу. Русалка стала умолять Зая–Туляка: пусти меня, о сынъ плоти! пусти; я живу спокойно и безмятежно въ чертогахъ водныхъ, пусти, ради себя самаго; ты погубишь меня, но ты погубишь и себя! Когда же Зая–Тулякъ не уступалъ и самымъ убѣдительнымъ мольбамъ ея, а клялся слѣдовать за нею и на дно лъзера, — тогда русалочка обвила его своею мягкою косою и увлекла въ глубокія воды.

Зая–Тулякъ увидѣлъ на днѣ лъзера роскошные луга, по которымъ ходили кони, быстрѣе и красивѣе коня Туль–Фара; посреди муравчатаго луга стояла обширная, бѣлокаменная кибитка, устланная внутри дорогими коврами. Туда привела его русалка, обняла, заплакала и сказала: ты хотѣлъ этого — я твоя теперь; забудь прошлое, если можешь; не гляди на вольный свѣтъ, покуда меня любишь; сиди здѣсь, не выходи изъ кибитки моей — я теперь твоя!

Вскорѣ пріѣхалъ къ кибиткѣ алый всадникъ, въ аломъ чапанѣ, на аломъ конѣ, съ алымъ оружіемъ и алымъ соколомъ на лукѣ сѣдла: это былъ братъ русалки. Она

спрятала Зая–Туляка въ свою дѣвичью половину кибитки, за парчевый пологъ. Алый братъ оглянулся въ кибиткѣ и сказалъ: сестра, здѣсь что–то пахнетъ человѣчьимъ духомъ. Не мудрено, отвѣчала улыбаясь русалка; сами вы ѣздите на охоту по горамъ и дебрямъ, самъ ты пріѣхалъ теперь съ лица земли, гдѣ живутъ люди, не мудрено тебѣ занести сюда и человѣческій духъ.

Немного погодя пріѣхалъ черный всадникъ: конь подъ нимъ вороной, чепанъ черный, шапка черная, оружіе черное и черный соколъ на передней лукѣ. Это былъ отецъ русалки. Никакъ дочь, здѣсь пахнетъ человѣчьимъ духомъ, сказалъ онъ. Не мудрено, батюшка, отвѣчала дочь; только мнѣ бы васъ объ этомъ спрашивать, а не вамъ меня. Вы пріѣхали съ лица земли, видно вы, или вороной конь вашъ на копытахъ своихъ, занесли сюда и духъ человѣчій.

Такъ русалочка таила отъ отца и брата любовь свою, и выпускала Зая–Туляка изъ за полога, только когда тѣ отъѣзжали на ловлю. Она приносила любимцу своему

каждое утро и каждый вечеръ, свѣжаго кумызу, круту (*), салмы (**) и баранины, и поцѣловавъ своего суженаго, ставила передъ нимъ сытые яства и напитки.

Однажды алый всадникъ, братъ русалки, воротился домой рано, и услышалъ, подъѣзжая, говоръ людской. Онъ сталъ допытываться; сестра ему во всемъ призналась, и со слезами умоляла брата не сказывать отцу о преступной любви ея. Братъ побранилъ сестру, и сказалъ, что надобно обо всемъ объявить отцу: его власть, его и воля. Черный всадникъ пріѣхалъ, и братъ съ сестрою вмѣстѣ встрѣтили его, и разсказали все. Русалка говорила: я не искала его, я не хотѣла его, я бѣжала отъ него и скрылась въ завѣтное озеро — но онъ упорно держался за шелковую мою косу; я ушла на дно озера, и потянула его съ собою.

Черный всадникъ нахмурилъ брови — и вѣсть разнеслась на ханскомъ кочевьѣ, на Димѣ, что Ачулы–куль прибываетъ грозно разливаясь, и что быть бѣдѣ. Подумавъ и

(*) Соленый, сушеный сыръ.

(**) Мучная болтушка.

вздохнувъ, Падишахъ подводный вызвалъ Зая–Туляка, самъ же не ступалъ ногою въ завѣтный уголъ дочери, за пологъ, вызвалъ и распросилъ обо всемъ. Любитесь, сказалъ владыко Ачулы и Кандра–куля, любитесь, коли слюбились; тутъ дѣлать уже нечего. Тебя, дочь моя, бранить не за что: это твоя судьба. А ты, Зая–Тулякъ, слушай: не безчести дочери моей за то, что отдалъ я тебѣ ее безъ калыма, принеси ты въ калымъ невѣстѣ своей любовь да совѣтъ, и не скучай съ нею; а скучишься, быть бѣдѣ. Не ходи ты и на лицо земли: и тамъ не будетъ вамъ блага; а пойдешь, погубишь и себя и ее.

Но Зая–Тулякъ, съ той самой поры, сталъ скучать въ подводномъ теремѣ, въ кибиткѣ своего тестя. Русалка въ одно утро ушла за кумызомъ шипучимъ, а Зая–Тулякъ вышелъ изъ кибитки и сталъ оглядываться кругомъ. Озеро поднялось высоко, обмывало уже уступы Карагача, а сквозь зеленую влагу виднелись горы и лѣса, и вѣрный конь, Тульфаръ, стоялъ на томъ же мѣстѣ, громко ржалъ и топталъ подъ собою землю. Туляку взгрустнулось:

онъ вошель опять въ кибитку, но русалка, воротившись, глянула на него и залилась слезами. Ты выходилъ, сказала она, ты выходилъ — о, зачѣмъ ты меня ослушался!

Я хочу опять на вольный свѣтъ, сказалъ подумавъ Зая–Тулякъ; сердце усохнетъ, коли сидѣть вѣкъ свой въ тюрьмѣ этой. Русалка молчала и плакала потихоньку, про себя. Воротился и черный всадникъ, услышалъ обо всемъ что было, призадумался, и спросилъ Зая–Туляка: если у тебя земля и вода? — «Земля моя Балканъ–тау, отвѣчалъ Князь, а вода Дима; и всѣ земли и воды, подвластныя Балкану и Димѣ, мое наслѣдіе.» Ступай, сказалъ старикъ, коли тебѣ здѣсь не живется; ты не сосунокъ, тебя силою держать нельзя.

Жена слѣдуетъ за мужемъ, а не мужъ за женой; это законъ. Русалка обвила мягкія руки свои вкругъ Зая–Туляка и сказала: бери меня, вези меня куда хочешь — я твоя. Въ первый и въ послѣдній разъ, сказываютъ, прослезился тутъ и самъ старикъ.

— Вотъ вамъ конь вѣрный, сказалъ онъ, садитесь и ступайте — Зая–Тулякъ, не забывай, если можешь, что ты отнынѣ самъ себѣ судья, а дочь моя твоя покорная рабыня. Дарю тебѣ, на обзаведенiе, на початокъ хозяйства, небольшое приданое: когда выплывешь изъ нашего лъзера, то скачи безъ оглядки, прямо на Балканы, и не оглядывайся, поколѣ не будешь на Балканѣ, хотя бы за тобою небо треснуло и земля разсыпалась: зятю должно довольствоваться тѣмъ, что отъ тестя получитъ; а преждевременное любопытство ему нейдетъ.

Зая–Тулякъ подошелъ къ коню, русалка подала ему стремя, онъ сѣлъ, взялъ ее на колѣна и помчался. Зеленая вода вскипѣла бѣлымъ ключемъ подъ копытами добраго коня, и, выбравшись на отлогiй берегъ, пустился онъ стрѣлой къ Востоку, на Балканъ. Зая–Тулякъ услышалъ за собою ржанiе, топотъ и страшный шумъ и плескъ въ волнахъ — онъ невольно оглянулся и только успѣлъ увидѣть, что изъ лъзера выплываетъ, слѣдомъ за жеребцомъ его, цѣлый табунъ отличныхъ коней. Но за

Тулякомъ послѣдовали тѣ только лошади, которыя были уже на берегу; всѣ тѣ, которыя еще только было выплывали, потонули снова и исчезли въ ту минуту, когда Зая–Тулякъ оглянулся. Отъ этихъ–то лошадей, подарка Ачулынскаго падишаха, произошла порода лучшихъ Димскихъ, Башкирскихъ коней. Нынѣ порода эта перевелась и переродилась; нынѣшнія лошади хотятъ корму и съ трудомъ перемогаются зиму на тебеневкѣ (*), да на каизѣ, на рубленныхъ древесныхъ сучьяхъ: древняя порода, которою славились Димскіе Башкиры со временъ Зая–Туляка, бывали сыты съ одного гону, а корму не спрашивали.

Молодой Князь съ русалкою поселились на Карагачѣ, гдѣ Князь нашелъ и покинутаго коня своего, и жили они нѣсколько времени спокойно. Въ одно утро русалка, скупавшись въ озерѣ и расчесавъ долгую косу свою, поднималась на гору, какъ услышала, со стороны Димы, глухой конскій топотъ и завидѣла пыль. Чулое сердце ея не обмануло; она прибѣжала въ

(*) Подножный кормъ.

слезахъ къ Зая–Туляку и сказала: отецъ твой шлетъ за тобою погоню! Тулякъ думалъ было противиться силою, потомъ хотѣлъ бѣжать — но она умоляла его остаться, не спорить съ волей отцовской, слѣдовать за посланными, не говорить никому о тайной любви своей н воротиться на Карагачъ, когда и какъ будетъ можно. Бѣжать тебѣ некуда; говорила она, прошлаго не воротишь: на днѣ лъзера со мною уже по прежнему жить не можешь — это миновалось, какъ сонъ!

Ханъ Самаръ–Ханъ, услышавъ отъ воротившихся вельможъ, что сынъ его бѣжалъ — о причинѣ этого побѣга придворные благоразумно умолчали — послалъ сорокъ тысячъ войска искать сына по цѣлому свѣту. Войско это приближалось теперь, и уже открыло слѣды новаго жилья молодаго князя; Зая–Туляка взяли и повезли къ отцу, а русалка, выждавъ на мысу Большой Нра приближенiе посланныхъ, кинулась съ крутаго берега въ озеро и исчезла.

Когда до Хана дошла вѣсть, что сынъ его найденъ, то онъ, сомнѣваясь въ любви

его и приверженности, вздумалъ его испытать. Для этого Самаръ–Ханъ посадилъ въ кибитакѣ своей одного изъ подданныхъ въ великолѣпной одеждѣ на престолъ, а самъ, въ простомъ синемъ чапанѣ, сталъ у дверей, передъ входомъ. Зая–Тулякъ, проходя мимо, узналъ отца, изумился, но вошелъ въ кибитку, гдѣ, какъ говорили ему, возсѣдаетъ Ханъ; поклонился мнимому Властелину и сказалъ: какъ измѣнчивы времена! прежній Ханъ стоитъ у порога, а бывшій рабъ сидитъ на престолѣ!

Самаръ–Ханъ, разгневанный равнодушіемъ и холодностью сына, велѣль на мѣстѣ выколоть ему глаза и отвести снова на Карагачъ. Но вѣщій духъ русалки парилъ надъ несчастнымъ своимъ любимцемъ; палачи Самаръ–Хана не успѣли еще приступить къ сыноубійству, какъ совершилось чудо: Зая–Тулякъ, въ горести своей, закрылъ лице руками, и глазное яблоко выкатилось изъ обоихъ глазъ целикомъ къ нему въ рўки. Богъ отмстилъ за меня, сказалъ Самаръ–Ханъ; палачамъ не надо было трудиться, и

ослѣпленный сынъ Царскій былъ отвезенъ и брошенъ на произволъ судьбы на угорье Карагача.

Вѣрная русалка, размотавъ шелковую косу, которую не чесала со дня отбытія любимца своего, стерегла уже и ожидала друга: она коснулась устами очей Зая–Туляка, дохнула на нихъ, и они снова ожили и заиграли по прежнему въ своихъ ямкахъ.

Лишь только Зая–Тулякъ прозрѣлъ, какъ сталъ онъ снова скучать бездѣйствіемъ своимъ и одиночествомъ. Пойдемъ жить на Балканъ, сказалъ онъ своей русалкѣ; съ Балкана видно далече во всѣ стороны, мы будемъ знать и видѣть что гдѣ дѣлается, и это будетъ жилье, приличное Ханскому наслѣднику; Карагачъ гора для меня мѣсто низкое.

Русалка заплакала; только молчаливой лунной ночи повѣрила она одинокую грусть свою, вышла на тихое озеро, любовалась серебрянымъ его отливомъ, сѣла на берегъ, на крутой мысъ, и тихо запѣла.

«Не лѣпите, пчелки, сотъ своихъ въ дикомъ бору: медвѣдь придетъ и выдеретъ,

а вамъ покинетъ дупло; не носите, русалочки, тихое блаженство свое въ люди: они попрутъ его ногами, а корысти имъ съ него будетъ мало.»

«Оглядывается красное солнышко съ заката на восходъ прошлый, да не воротится; не видать вечерней зарѣ зорюшки утренней! Оглядывайтесь, сестрицы, на свою зорюшку утреннюю — да не воротить вамъ ее, не любоваться ею въ другожды!»

«А дважды василекъ въ землю ложится: изъ земли вышелъ, и въ землю падетъ прахъ его. И ты не лучше василька небоцвѣтнаго: не выходить было на свѣтъ — а вышла, такъ набѣдуешься, поколѣ не приклонишь головку къ лону родной матери!»

«Желна черная и бѣлыя лебедки въ отлетъ летятъ, а теплынь придетъ, опять домой къ родимому гнѣзду тянутся: а мнѣ, сиротѣ отъ живаго отца, мнѣ до вѣку невидать струй твоихъ, Ачулы–куль родимый, серебристый мой!»

«Прости, сказалъ мотылекъ родимому стебельку, родному, зеленому лугу, когда

пришла пора, что подулъ вѣтръ полунощный, заволокло заповѣдные луга сизымъ инеемъ; зазнобило мотылку летки и щутельце.»

«Прости, говоритъ свободнорожденная дочь Ачулы–куля родному озеру, Карагачу лѣсистому, Татбуруну каменному, Тиренъ–кулу холмистому! Прости, говоритъ она роднымъ берегамъ, колыбели своей, Ачулы–озеру.»

Такъ русалочка поплакала одна надъ роднымъ озеромъ своимъ — а Зая–Туляку она улыбалась. Они перекочевали на Балканъ; но едва успѣли они тамъ поселиться, какъ русалка на–разсвѣтѣ, снова послышала чуткимъ ухомъ своимъ топотъ конскій, завидѣла отдаленную пыль. Она прибѣжала къ князю своему, и молвила: «о Зая–Тулякъ! было время, когда я, послышавъ шумъ и топотъ, спѣшила схорониться въ волнахъ Ачулы–куля, и въ объятіяхъ вѣрной стихіи находила спасеніе, теперь ты щитъ и защита моя, и я надѣюсь только на грудь твою! но, Зая–Тулякъ, ты меня не спасешь на этотъ разъ, а кромѣ тебя у меня защиты нѣтъ!

Слушай, князь мой: за тобою опять идутъ; повинуйся и иди; искушенiе черезъ чуръ велико, ты не устоишь, и я тебя держать не хочу! Но, Зая–Тулякъ, помни послѣднiя слова мои: сорокъ ночей я буду сидѣть здѣсь, на Балканѣ, и буду по тебѣ плакать; если ты не воротишься черезъ сорокъ дней и сорокъ ночей — тогда ты найдешь меня, какъ находятъ алый цвѣтъ на зеленомъ лугу, по которому прошло войско отца твоего, Самаръ–Хана: а затоптанный цвѣтокъ не оживаетъ — это помни.»

Вельможи и войско подошли съ великими почестями къ Зая–Туляку, объявили, цвѣтистою рѣчью Востока, что душа отца его, Хана Самаръ–Хана, воспарила по пути, указанному душами отшедшихъ въ рай Небесный великихъ праотцевъ, а народъ и войско зоветъ Зая–Туляка на Ханство.

Молодой Князь хотѣлъ оглянуться на свою дѣву водъ — но ее уже не было. Его посадили на покрытаго богатою попоною жеребца и повезли на Диму — и восемь нукеровъ шли во всю дорогу пѣшкомъ и вели по–очереди жеребца его подъ уздцы.

Справили, по закону, богатую тризну по отцѣ, Зая–Тулякъ принялъ старшинъ, посольство отъ народа, приглашавшаго его на Ханство. Народъ и войско качали молодаго Хана своего на рукахъ, и на рукахъ же, поднявъ выше головъ своихъ, возвели на Ханство: таковъ былъ обычай. Шумная, многотысячная толпа пировала и ликовала стекшись, съ цѣлаго владѣнія; берега Димы не могли помѣстить на себѣ безчисленнаго множества кибитокъ; земля стонала отъ топота конскаго и людскаго; солнце устало свѣтить пирующимъ и ликующимъ гулякамъ. Настала ночь, и огромные костры запылали; и солнце взошло снова, и костры еще дымились, кумызъ игралъ въ огромныхъ чашахъ, въ сабахъ и турсукахъ, чибызга напѣвала веселье.

А Зая–Тулякъ, посидѣвъ на престолѣ, соскучился по любимицѣ своей и тяжело вздохнулъ, когда, оглянувшись во всѣ стороны, увидѣлъ, что въ цѣломъ Ханствѣ его нѣтъ ровной, нѣтъ подобной. Ему наскучило быть и падишахомъ безъ нея, и онъ хотѣлъ уже отправить за нею

пословъ — когда вспомнилъ, что завѣтный срокъ, сорокъ дней и сорокъ ночей, были уже на исходѣ. Онъ кинулся самъ на лучшаго скакуна своего, на которомъ вывезъ дѣву водъ изъ Ачулы–Куля, и поскакалъ одинъ къ одинокому Балкану.

Скоро бѣжитъ конь подъ Зая–Тулякомъ — но какой конь обгонитъ солнце, а какой конь воротитъ его на сутки и добѣжитъ вчера, коли поскакалъ сего–дня? Зая–Тулякъ зоветъ отчаяннымъ зовомъ дѣву свою, а она молчитъ, молчитъ потому, что мертвые не говорятъ. Не встанетъ алый цвѣтъ, не подыметъ онъ бархатной маковки своей, коли чрезъ лугъ прошло грозное войско Самаръ–Хана! Зая–Тулякъ нашелъ русалку свою на томъ же мѣстѣ, гдѣ ее покинулъ, на вершинѣ Балканъ–Тау — но она лежала, какъ василекъ послѣ покоса.

Зая–Тулякъ выкопалъ булатнымъ коньемъ своимъ двуложную могилу на вершинѣ Балкана, и золотымъ шлемомъ своимъ выбиралъ изъ нея землю: положилъ онъ въ могилу эту бѣлое тѣло дѣвы Ачулы–

куля, закололся тѣмъ же копьемъ, и упалъ мертвый на вѣрную свою подругу.

Народъ и войско долго искали своего Хана, и засЏпали его наконецъ землею въ изрытой имъ же самимъ могилѣ. Братья Зая–Туляка рѣзалисъ за Ханство и всѣ погибли; съ тѣхъ поръ народъ утратилъ падишаховъ или Хановъ своихъ навсегда, распался и разбрелся по отрогамъ и долинамъ Урала и сдѣлался безсильнымъ.

Стало быть Ачулы–куль и въ тѣ поры не даромъ взволновался, и залилъ широко и далеко всѣ берега: Самаръ–Ханъ выкололъ родному сыну своему глаза, потомъ могучій Ханъ скончался — а за нимъ погибли и Зая–Тулякъ, и бѣдная Русалка, Царевна Ачулы–куля, и братъ поднялъ руку на брата, и цѣлое Царство рушилось.

В. Луганскій.